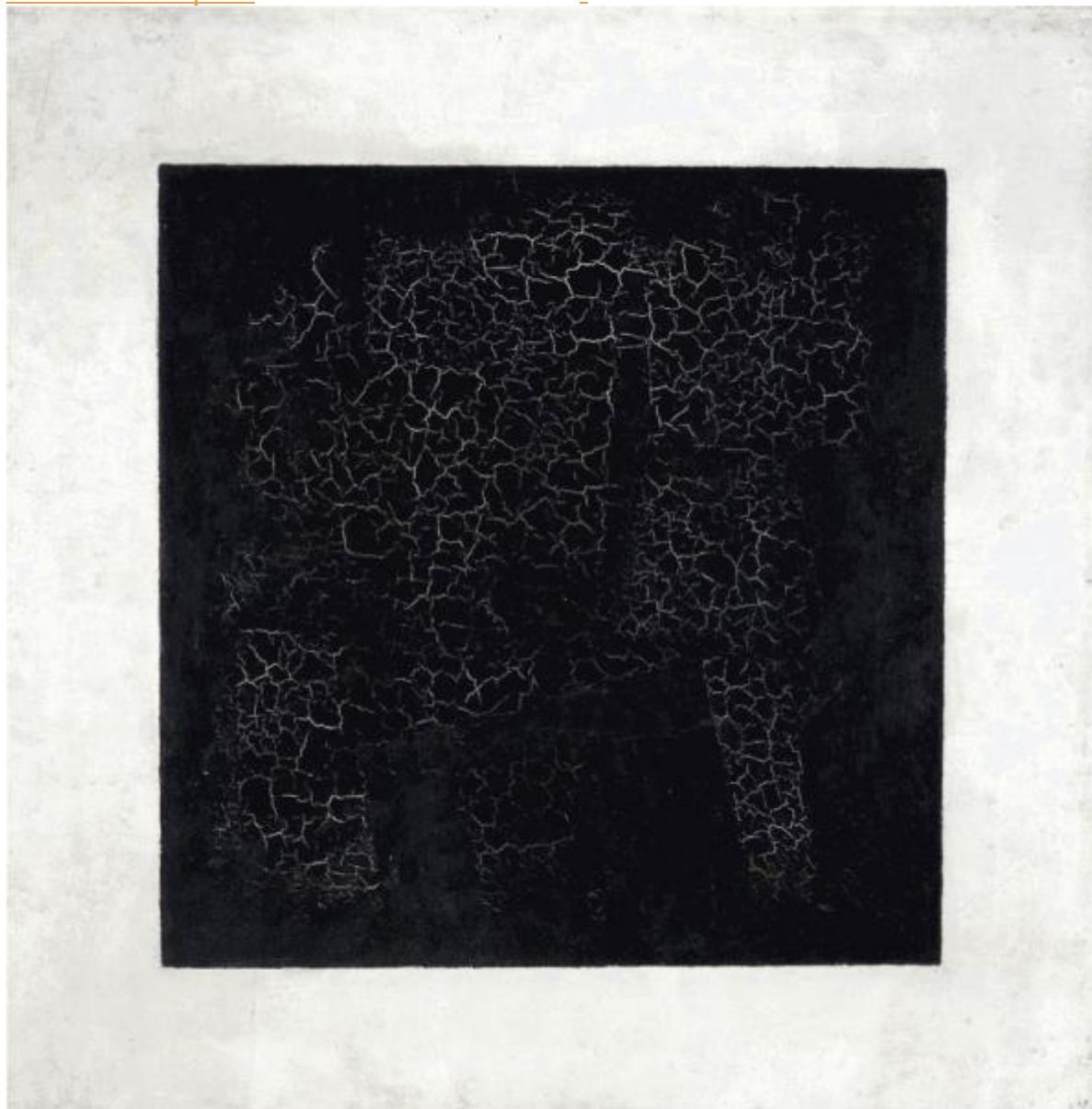

«Чёрный квадрат» Малевича. Почему это шедевр

[186 комментариев](#) / [От Оксана Копенкина](#) / 22.05.2017

О парадоксе «Чёрного квадрата» Малевича задумывался каждый.

Нельзя придумать ничего проще, чем чёрный квадрат. Нет ничего легче, чем нарисовать чёрный квадрат. Тем не менее он признан шедевром.

Если сегодня он попадёт на открытые торги, его готовы будут купить за 140 миллионов долларов!

Как возникло такое «недоразумение»? Примитивное изображение всеми искусствоведами мира признается шедевром. Они сговорились?

Очевидно, в «Чёрном квадрате» есть что-то особенное. Невидимое обычному зрителю. Попробуем это «что-то» обнаружить.

1. «Чёрный квадрат» не так прост, как кажется.

Это только на первый взгляд кажется, что такой шедевр мог бы создать каждый. И ребёнок, и взрослый без художественного образования.

Ребёнку не хватило бы терпения закрасить одним цветом такую большую поверхность.

А если серьёзно, то и взрослый вряд ли смог бы повторить «Чёрный квадрат», потому что не все в этой картине так просто.

Чёрный квадрат на самом деле НЕ чёрный

«Чёрный квадрат» на самом деле квадратом не является. Его стороны НЕ равны друг другу. И противоположные стороны НЕ параллельны друг другу.

К тому же «Чёрный квадрат» НЕ совсем чёрный.

Химический анализ показал, что Малевич использовал три самодельные краски. Первая — жженая кость. Вторая — чёрная охра. А третья — ещё один природный компонент ... темно-зеленого оттенка. Ещё Малевич примешал МЕЛ. Чтобы убрать эффект глянца, присущий масляным краскам.

То есть художник не просто взял первую попавшуюся чёрную краску и закрасил начерченный квадрат. Как минимум он день потратил на подготовку материалов.

Существует четыре «Чёрных квадрата»

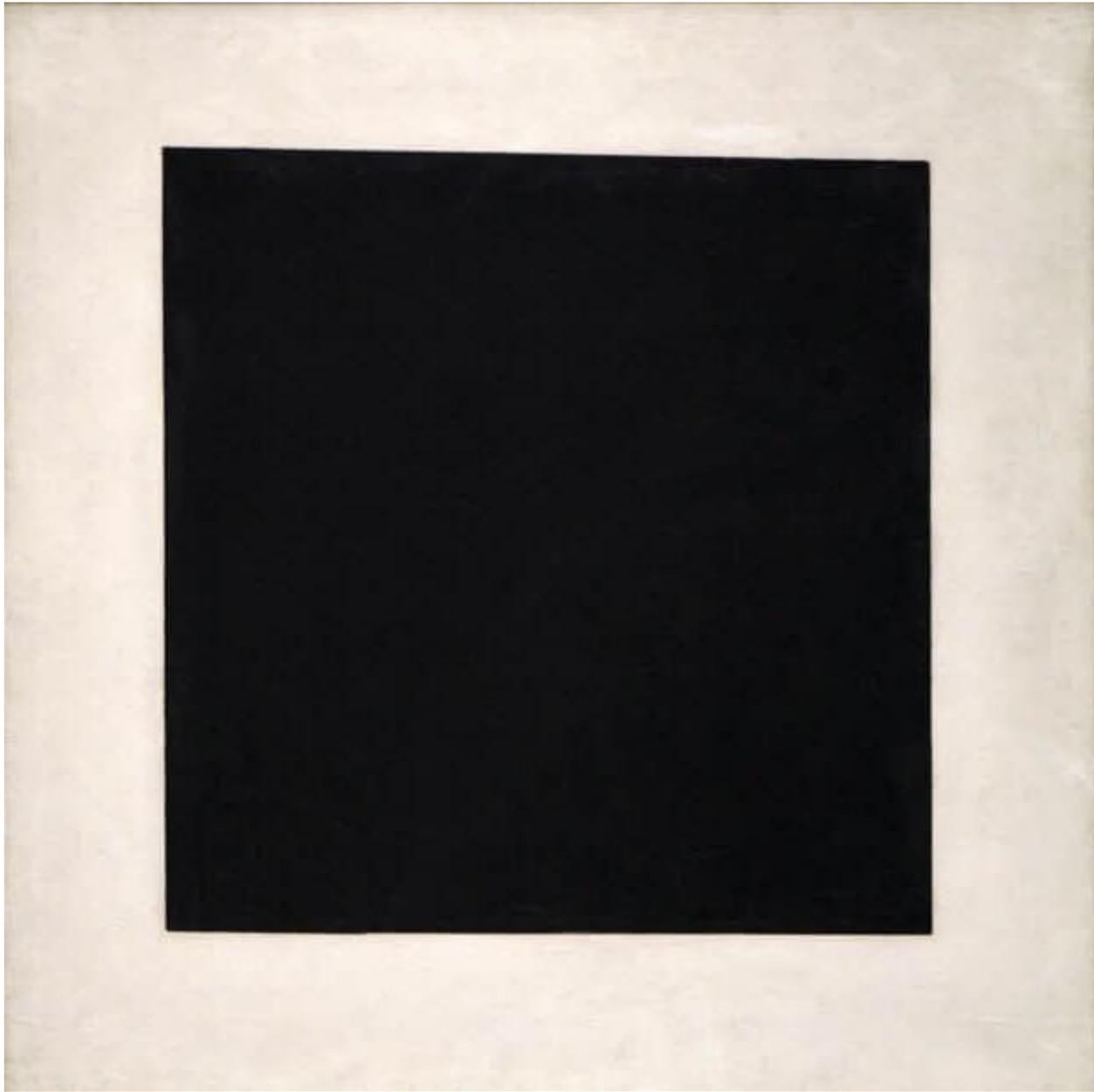
Если бы это была случайно написанная картина, художник не стал бы ее копировать. В течение последующих 15 лет он создал ещё 3 «Чёрных квадрата».

Если вы видели все 4 картины (две хранятся в Третьяковке, одна в Русском музее, ещё одна — в Эрмитаже), то наверняка обратили внимание на то, насколько они НЕ похожи.

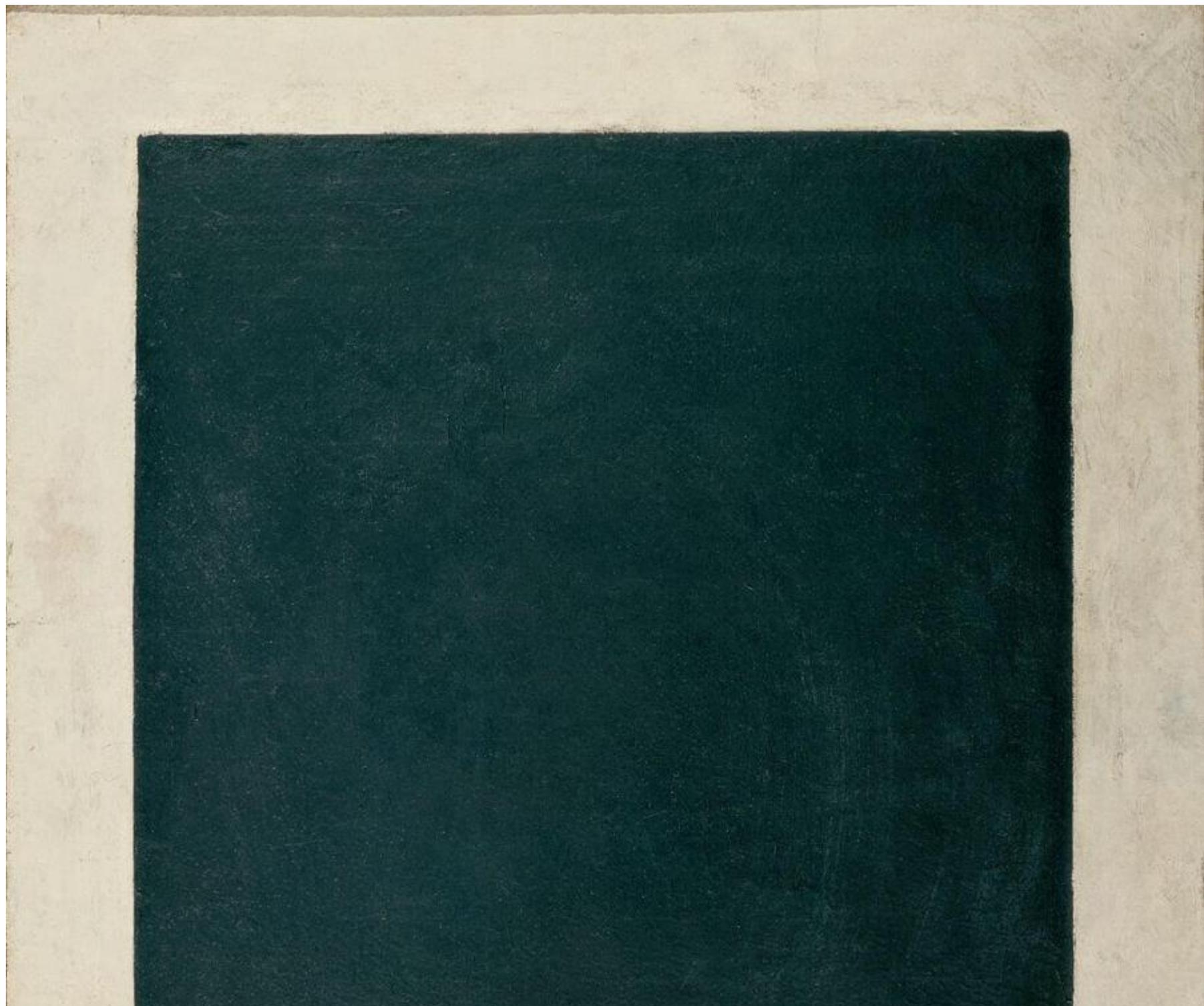
Да-да. Несмотря на всю их простоту, они разные. Первый «Квадрат» 1915 года считается самым энергетически заряженным. Все дело в удачном подборе оттенков чёрного и белого, а также в составе красок.

Все четыре картины не похожи ни размером, ни цветом. Один из «Квадратов» больше по размеру (1923 года создания, хранится в Русском музее). Другой — намного чернее. По цвету он самый глухой и всепоглощающий (также хранится в Третьяковке).

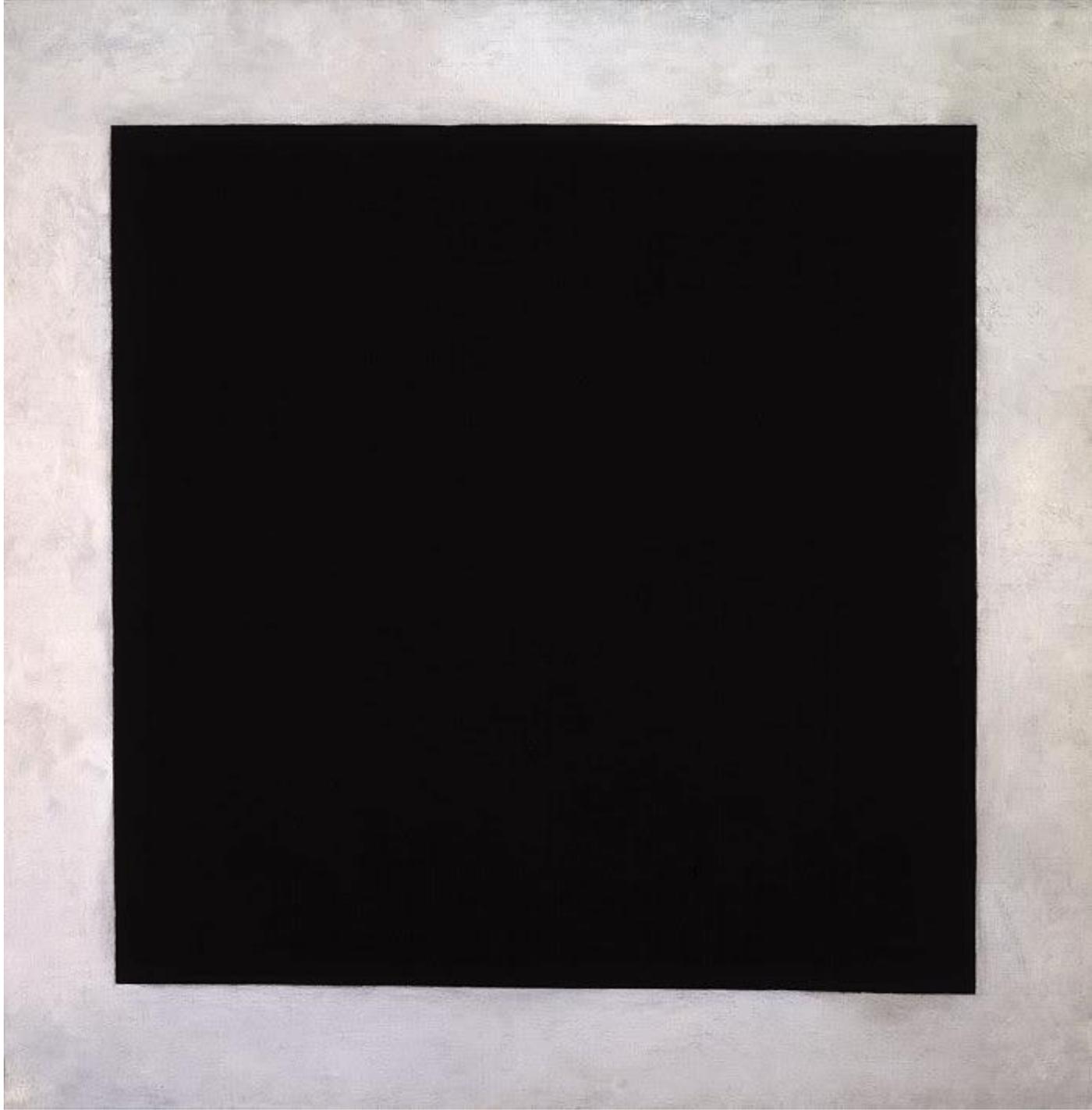
Ниже — все четыре «Квадрата». Разницу по репродукциям сложно понять. Но вдруг это вдохновит вас посмотреть их вживую!

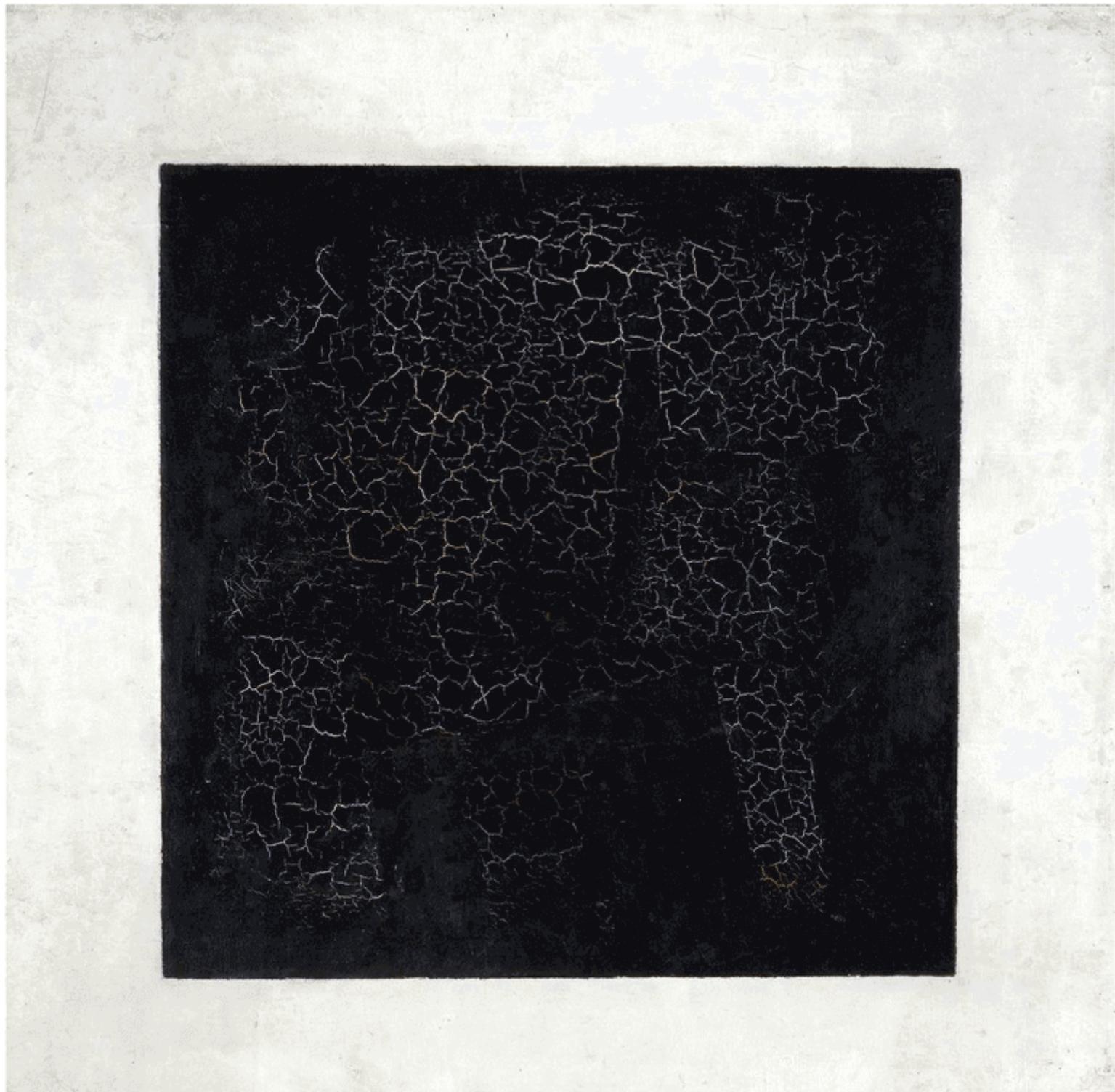
Казимир Малевич. Чёрный квадрат 1929 г.

Слева направо: 1. Чёрный квадрат. 1929. 79,5 x 79,5 см. Третьяковская галерея. 2. Чёрный квадрат. 1930—1932. 53,5 x 53,5 см. [Эрмитаж](#). 3. Чёрный квадрат. 1923. 106 x 106 см. Русский музей. 4. Чёрный квадрат. 1915. 79,5 x 79,5 см. Третьяковская галерея.

«Чёрный квадрат» закрывает ещё две картины

На «Квадрате» 1915 года вы наверняка заметили трещины (кракелюры). Сквозь них виден нижний слой краски. Это цвета другой картины. Она была написана в протосупрематическом стиле. Что-то вроде «Дамы у фонарного столба».

Казимир Малевич. Дама у фонарного столба. 1914.

Городской музей Стеделек, Амстердам

Это ещё не все. Под ней — другое изображение. Уже третье по счёту. Написанное в стиле кубофутуризма. Вот так этот стиль выглядит.

Казимир Малевич. Точильщик. 1912. Художественная галерея Йельского университета, Нью-Хейвен.

Поэтому кракелюры и появились. Слишком толстый слой краски.

Зачем же такие сложности? Целых три изображения на одной поверхности!

Возможно, это случайность. Так бывает. Художника осеняет идея. Он хочет ее выразить сразу. Но под рукой может не оказаться холста. Но даже если холст есть, его нужно готовить, грунтовать. Тогда в ход идут малозначимые картины. Или те, которые художник считает неудачными.

Получилась этакая живописная матрёшка. Эволюция. От кубофутуризма к кубосупрематизму и к чистому супрематизму в «Чёрном квадрате».

2. Сильная теория сильной личности

«Чёрный квадрат» был создан в рамках придуманного Малевичем нового направления в живописи. Супрематизма. Supreme означает «превосходный». Так как художник считал его наивысшей точкой развития живописи.

Это целая школа. Как [импрессионизм](#). Как академизм. Только эта школа была создана одним человеком. Казимиром Малевичем. Он привлёк на свою сторону немало сторонников и последователей. Малевич умел ясно и харизматично рассказывать о своём детище. Он рьяно агитировал полностью отказаться от фигуративности. То есть от изображения объектов и предметов. Супрематизм — это искусство, которое творит, а не повторяет, как говорил художник.

Если же убрать пафос и посмотреть на его теорию со стороны, то мы не можем не признать ее величия. Малевич, как подобает гению, почувствовал, в какую сторону ветер дует.

Время индивидуального восприятия заканчивалось. Что это значило? Раньше на произведения искусства любовались лишь избранные. Те, кто ими владел. Или мог позволить себе дойти до музея.

Теперь же наступал век массовой культуры. Когда важны упрощённые формы и чистые цвета. Малевич понимал, что искусство не должно отставать. А может даже в состоянии возглавить это движение.

Он придумал, по сути, новый живописный язык. Соразмерный грядущему времени, которое вот-вот наступит. А у языка есть своя азбука.

«Чёрный квадрат» и есть главный знак этой азбуки. «Ноль форм», — как говорил Малевич.

До Малевича существовала другая азбука, придуманная ещё [Джотто](#) в начале XIV века. Эта азбука и была основой всего искусства. Это перспектива. Объём. Эмоциональная выразительность.

Джотто. Поцелуй Иуды. 1303-1305. Фреска в Капелле

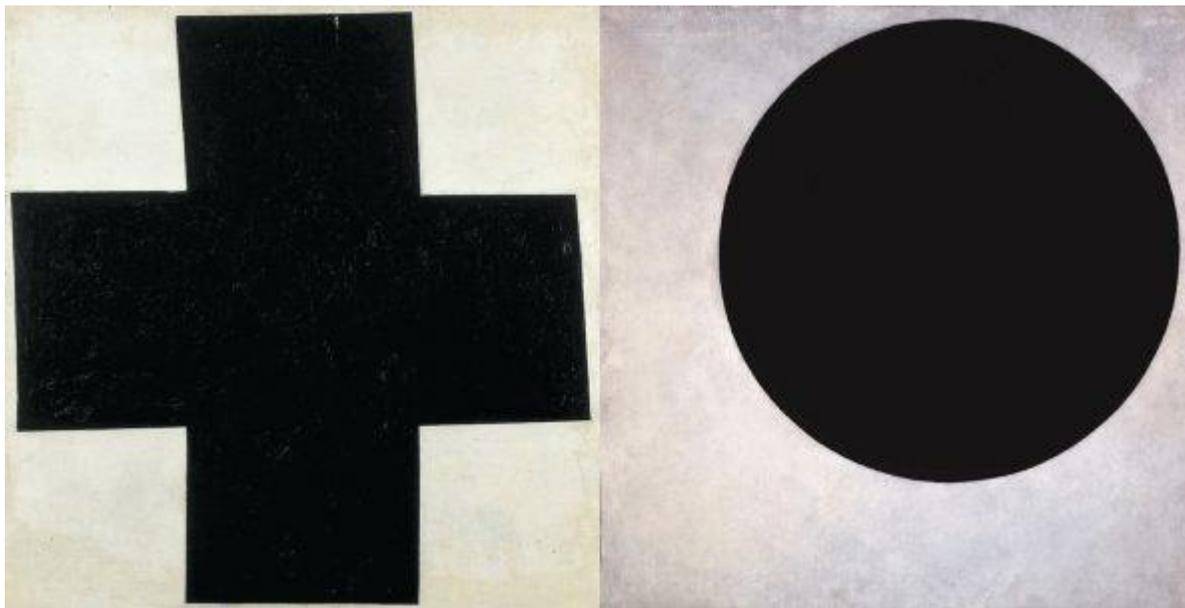
Скровеньи в Падуе, Италия.

У Малевича язык совсем другой. Простые цветоформы, в которых цвет наделяется другой ролью. Он не для того, чтобы передать натуру. И не для того, чтобы создать иллюзию объёма. Он сам по себе выразителен.

«Чёрный квадрат» — главная «буква» в новом алфавите. Квадрат, потому что это первоформа. Черный цвет, потому что он поглощает все цвета.

Вместе с «Чёрным квадратом» Малевич создаёт «Чёрный крест» и «Черный круг». Простые элементы. Но они тоже производные чёрного квадрата.

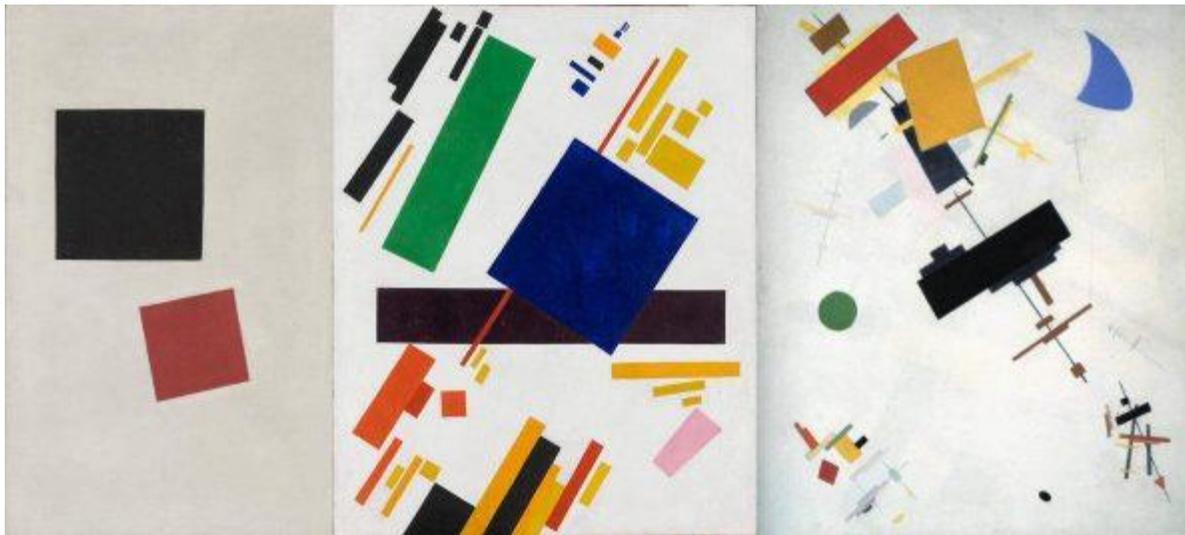
Круг появляется, если квадрат вращать на плоскости. Крест состоит из нескольких квадратов.

Картины К. Малевича. Слева: Чёрный крест. 1915.

Центр Помпиду, Париж. Справа: Чёрный круг. 1923. Русский музей, г. Санкт-Петербург.

Дальше Малевич из своей азбуки складывает новые «слова». Он комбинирует цветоформы в простых, сложных и очень сложных сочетаниях.

Картины К. Малевича. Слева: Чёрный квадрат и красный квадрат. 1915. Музей современного искусства, Нью-Йорк. Посередине: Супрематическая композиция. 1916. Частная коллекция. Справа: Супрематизм. 1916. Русский музей, г. Санкт-Петербург.

В стиле супрематизма Малевич писал несколько лет. А затем произошло невероятное. Он так долго отрицал фигуративность, что ... к ней вернулся.

Можно было бы расценить это как непоследовательность. Мол, «поиграл» в красивую теорию и хватит.

На самом деле созданный им язык жаждал применения. Применения в мире форм и природы. И Малевич послушно вернулся в этот мир. Но изображал его уже с помощью нового языка супрематизма.

Картины

Казимира Малевича. Слева: Спортсмены. 1932. Русский музей. Посередине: Красный дом. 1932. Там же. Справа: Девушка с гребнем в волосах. 1934. Третьяковская галерея.

Так что «Чёрный квадрат» — это не конец искусства, как иногда его обозначают. Это начало новой живописи.

Потом настал новый этап. Язык хотел служить людям. И он перешёл в нашу жизнь.

3. Огромное влияние на жизненное пространство

Создав супрематизм, Малевич делал все, чтобы тот не пылился в музеях, а шёл в массы.

Он рисовал эскизы платьев. Но при жизни смог их “надеть” лишь на героев своих картин.

Казимир Малевич. Портрет жены художника. 1934 г. [Русский музей](#).

Wikiart.org

Еще он расписывал фарфор. Создавал рисунки для тканей.

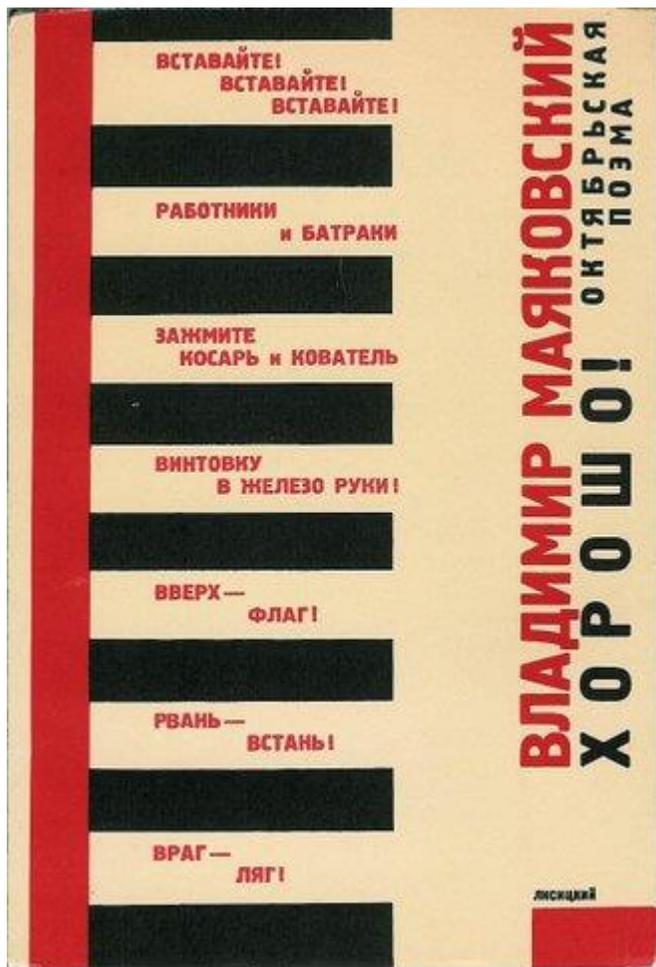

Слева: сервиз

Ленинградского фарфорового завода, созданный по эскизам Малевича (1922 г). Справа: образец ткани с рисунком Малевича (1919 г.).

На языке "Чёрного квадрата" заговорили сторонники Малевича. Самый известный из них — Эль Лисицкий, который изобрёл печатные шрифты, а также новый дизайн книг.

Вдохновлялся он теорией супрематизма и "Чёрным квадратом" Малевича.

Эль Лисицкий. Обложка книги Владимира Маяковского "Хорошо!". 1927 г.

Подобное оформление книг нам кажется естественным. Но лишь потому, что стиль Малевича прочно вошел в нашу жизнь.

Наши современники, дизайнеры, архитекторы и модельеры не скрывают, что всю жизнь черпали вдохновение в работах Малевича. Среди них — один из самых известных архитекторов, Заха Хадид (1950—2016 гг.).

Слева: Dominion Tower. Архитектор: Заха Хадид. Строительство 2005—2015 гг. Москва (м. Дубровка). В центре: Стол "Малевич". Альберто Льеворе. 2016 г. Испания. Справа: Габриело Коланджело. Коллекция весна-лето 2013 г.

4. Почему "Черный квадрат" вызывает недоумение и почему он все-таки шедевр

Почти каждый зритель пытается понять Малевича с помощью привычного языка натурального изображения. Того самого, который придумал Джотто и который развили [художники Эпохи Возрождения](#). Многие пытаются оценить "Чёрный квадрат" по неподходящим критериям. Нравится — не нравится. Красиво — не красиво. Реалистично — не реалистично.

Появляется неловкость. Обескураженность. Потому что "Чёрный квадрат" остаётся глух к таким оценкам. Что же остаётся? Только осудить или высмеять.

Мазня. Ерунда. "Ребёнок лучше нарисует" или "Я так тоже могу" и прочее.

А теперь оцените "Чёрный квадрат" как букву алфавита. Как атом молекулы. Как электрон магнитного поля.

Вот тогда станет понятно, почему это шедевр. Невозможно "Чёрный квадрат" оценить сам по себе. А только вместе с тем пространством, которому он служит.

Частное собрание (всю серию портретов художников XIX-XX веков смотрите на сайте allakhverdov.com).

PS.

Малевич был известен при жизни. Но материальной выгоды он от этого не получил. Отправляясь в 1929 году на выставку в Париж, он просил власти отпустить его туда ... пешком. Потому что денег на дорогу у него не было.

Власти поняли, что пришедший на своих двоих в Европу товарищ Малевич подорвёт их авторитет. Поэтому 40 рублей на поездку выделили.

Правда, через 2 недели он был срочно вызван телеграммой обратно. И по приезде сразу арестован. По доносу. Как немецкий шпион.

Больше никаких выставок. Никакого супрематизма. В СССР возможен только соцреализм.

Художник умер от рака в 1935 году.

***

Текст 1

С тех пор, как прабабушка умерла, Петрушин каждый день встречал её на улице. Иногда в магазине, в очереди на кассу. Там в утренние часы пенсионерам скидка. Иногда в метро - с клетчатой сумкой на колёсиках.

Иногда прабабушка копошилась в цветнике у подъезда или вынимала счета из почтового ящика.

Правда, как только призрак оборачивался - всё вставало на свои места.

Просто так получалось, что каждая старуха теперь немного напоминала прабабушку. У одной был точно такой же узел из седых волос. У другой - похожий жёлтый плащ. Третья горбила спину. У четвёртой густые брови - почти такие же, ну совсем такие же... Буквально на пару секунд, пока она не приподнимала их как-то иначе. Как будто прабабушка взяла и вдруг рассыпалась на сотню разных старушек, подарив каждой - или мясистый нос, или платок на шее, или тихий старческий вздох.

Сколько Петрушин помнил, прабабушка всегда была старенькой. Даже на той фотографии, где она кормит его мелкого из бутылочки. В последние годы она почти никого и не узнавала, только тихо сидела в кресле в самой дальней комнате. Петрушин и не мог по ней особенно скучать, потому что как с такой прабабушкой пообщаешься! Её саму теперь с ложечки кормить. Но вот ведь...

Рассыпалась.

На морщины, на складки, на цветастые юбки и старые перчатки.

На "кис-кис-кис, я вам рыбки принесла" у подъезда и "стой, куда побежал!" в детской песочнице.

На снежинки в январе, клубнику в июле и осенние листья в октябре.

Петрушин злился. Петрушин не понимал, зачем.

Как-то, возвращаясь под вечер с допов по физике, он огибал кирпичную пятиэтажку в тени каштанов, и в одном из окон на первом этаже ему снова явилась прабабушка. Только помоложе. Но эта была самая подходящая.

Старуха в клеенчатом фартуке неторопливо скоблила картошку, потом нарезала ее кубиками и жарила на чугунной сковородке на газу. Ворошила лопаткой, переключившись на тарелку. Петрушин досмотрел до конца, отступив в тень за ствол каштана. Трудно было оторваться.

Крохотная кухня, согретая жёлтой лампочкой, походила на новогодний фонарь. На светящуюся игрушку. Вокруг было зябко и сыро, а там - тепло и как-то сказочно. Как во сне, что ли.

У многих есть стеклянные шары с искусственным снегом - был такой и у Петрушина. Потрясешь его - и как будто зима. Кто-то запер её в прозрачном шаре. А это был куб. Жёлтый куб с осколком чего-то полузабытого. Кто-то запер в этом окошке его прошлое, как муху в янтаре. Вот сейчас старуха нагреет в кастрюльке бутылку с детской смесью...

Но вместо этого она надела очки, которые никак не хотели сидеть на носу, взяла полузатёртую книжку и принялась читать про посадку огурцов. Эх. Петрушин вперевалку поспешил домой. Сколько можно пялиться в чужие окна-то, ей-богу. Да и уроки еще делать допоздна.

Но через пару дней он снова пошёл этой дорогой. Снова встал за каштан и смотрел, ругая себя. Такой большой парень и страдает ерундой. И ведь никому не расскажешь. Что он тут портал в прошлое нашёл! Что никак ему не оторваться от жёлтого кубика в кирпичной пятиэтажке. Круче нового сериала.

А "прабабушка" снова резала капусту, тёрла морковь, мешала щи. Крутила колесо радиоприёмника, протирала чашки. Придирчиво осматривала горшки с раскидистыми цветами - кажется, они называются "декабристы". Иногда вглядывалась в темноту, потом задёргивала тюлевую занавеску.

И Егор уходил, волоча за собой мешок со сменкой.

Темнело всё раньше, жёлтый куб сверкал всё ярче. И ещё много других таких же переливалось по всей улице. И как же это было хорошо.

Но однажды всё пошло не по плану. "Прабабушка" вглядывалась в темноту особенно пристально. И занавеску задёрнула особенно плотно и тщательно. А когда он уже, пыхтя, заворачивал за угол, то услышал хлопок двери и выкрик:

- Эй! Мальчик! Я тебе говорю... А ну-ка постой.

У Петрушина ноги вмиг стали тяжёлыми медвежьими лапами. Он с трудом смог сделать пару каменных шагов.

- Ты чего всё ходишь? Чего смотришь-то? - раздался сердитый голос уже совсем рядом.

Седая женщина, в наброшенной на плечи куртке, стояла за спиной.

- Ежели ты чего задумал, то у меня и брать-то нечего! - отрезала она. - Много ли толку с пенсионерки! А я ведь могу и участковому...

- Да я совсем не то, совсем не это... - залепетал Петрушин, комкая шапку в руке. - Я совсем даже ничего!

- А если голодный... - прибавила старуха добрее. - То на вот. Только уж меня не пугай так

. Она сунула ему в руки шуршащий пакет, и Петрушин от недоумения взял. Там были какие-то слоёные пирожки в куче крошек. Теперь он хорошо видел лицо женщины, и видение снова рассыпалось. Не та бабушка. Чужая. Совсем. Другие морщины, другие брови, нос, другое всё.

- Тебе нехорошо, что ли? - ахнула эта чужая бабка.

- Всё хорошо, спасибо... - выдал из себя Петрушин. - Просто вы были похожи, а теперь не похожи.

- На кого? У тебя родители-то есть?

- Всё у меня хорошо, и вы очень добрая. Простите! - и Петрушин бросился бежать по улице, хотя бегал всегда с трудом.

Сменочный мешок колотил по ногам. Рюкзак бил по спине. Ноги разъезжались на грязных листьях. На бегу он зачем-то запустил руку в пакет и запихнул в рот пирожок целиком. Тот был ещё тёплый. Крошки полетели в горло... Подавился, закашлялся, с трудом проглотил. Пирожок оказался с яблоком. Кисло. Горло саднило, а внутри было горячо.

Жёлтый фонарь сорвался с новогодней ёлки и разбился.

С тех пор он проходил мимо кирпичной пятиэтажки быстрым шагом, не оглядываясь, а то и вовсе шёл домой другой дорогой. Уроков было много, физики и прочего. Да и стыдно-то как.

А чужая бабушка всё вглядывалась в окошко. И лампочка освещала кастрюлю на газовой плите. Цвели декабристы. Радио что-то пело.

Текст 2

Я буду смотреть на вас из тьмы своего экранчика. Кто я, какая – вы никогда не узнаете. А те, кто меня помнил, вот-вот забудут. Переменчивая погода. Три четверти года. Пищевая сода. Малыш Йода. Меня иногда уносит. Но так и за партой было.

Имя я себе уже изменила, хоть вы и просите, да, я помню, заходить под настоящими именами, чтобы вы знали, кто есть кто, и не допускали всяких преступников, жаждущих взорвать урок. Нет, я не экстремистка, честное слово, тихо тут посижу, подожду, пока вы закончите, стану призраком. А может, мы все уже призраки? Голоса из бездны черных квадратов. То есть прямоугольников, конечно. Но это не так романтично. Одна Эльмира с преданностью первокурсницы сидит с включенной камерой, жалея учительницу. Учительница изучила список “двести приложений для онлайн-урока” и приносит каждый день что-то новое. Чтобы мы отправляли ответы в облако тегов и рисовали ментальную карту на онлайн-доске. Слова возникают сами по себе. Спиритический сеанс практически: кто жив, а кто нет – напишите на стене.

– Да здесь я, просто отошла вымыть голову.

– Во время урока? – Из меня сыплется перхоть, словно снег. Ну вот опять, я уже не вижу клавиатуры. Мою комнату заметает. Погодите, открою окно и снова пойду помоюсь. Я читала, что этот шампунь помогает. Может, с третьего раза, или как там в сказках?

– Ладно, Свет, отвечай ты.

Светы давно нету. Тьма ее экранчика совсем немая. Черная, безликая и немая. Как Безликий бог у Миядзаки. Остались только белые буквы: имя-фамилия. Зато настоящие. В чате пишут, у Светы все хорошо: она занята своей личной жизнью.

Я тоже займусь своей личной жизнью. Вон сколько окон в мире! Совсем рядом, в соседних вкладках. Навальный говорит в своем экранчике, Дудь говорит с Навальным в своем экранчике, кто-то едет на Бали в своем экранчике, Манижа поет про мигрантов в своем экранчике, девушка рассказывает, как поступить в Гарвард в своем экранчике, как найти призвание, как сварить яйцо (вот! я все делаю неправильно, и оно внутри становится синим, надо бы научиться – по- моему, синие яйца не такие вкусные, у мамы получаются лучше). В общем, жизнь в каждом экранчике! Это даже прикольно. Ты можешь стать кем угодно.

(Маленькая была, заглядывала в окна соседей. Представляла, кто там живет и как. Вот, сбылась мечта – прямая трансляция из каждого окна).

– Внимание, заполняем таблицу! По командам. Сейчас я разведу вас в разные комнаты.

– Не надо нас в разные комнаты! Лабиринт минотавра. Мне страшно! Я боюсь темноты!

– Поздно, вы уже в игре. Правила таковы...

На самом деле, я же в любой момент могу выйти из комнаты. Вот красная кнопка: выйти из комнаты. Катапультируйся и лети. К звездам. Ты свободна!

Свободна ли ты?

Вот космос без точки назначения, без карты, без панели управления. Интерстеллар. Дрейфуют метеориты. Гугл, кем мне стать? На какой планете?

– А сейчас в этом онлайн-сервисе составляем ленту времени.

Инстаграм – моя лента времени. Я ее уже давно составляю. Каждый сам себе летописец. Представляете, был бы инстаграм во времена Александра I? Сколько бы всего пришлось изучить! В

пятницу состоится битва при Аустерлице. А запись будет? Сохраните эфир! Дорогие историки, вот я вам не завидую. 16000, говорите, убитых, раненых? Представьте: у каждого на голове камера. Мы должны знать нашу историю. А память – штука ненадежная.

– Включите камеры, я вас умоляю! Мне тяжело говорить, когда я не вижу лиц.

– Никто никогда не увидит моего лица. Дистант – это благословение. Дар небес. Мантия-невидимка. Давайте продлим карантин на всю жизнь. Это вам, конечно, покажется низким, но у меня вот тут прыщ на носу каждый раз в одном и том же месте. Я уже весь пропах лечебными гелями. Читаю про насекомых из Южной Америки, которые откладывают яйца под кожу. Ну вы знаете. Мне кажется, пока я сплю, они вылупляются. А потом прилетают снова. И заводят своих детей.

– Что за вой? Выключите микрофоны!

– Простите, это воеет моя собака. Мы взяли ее из приюта. Она не приучена к дому и к людям. Я думаю, ей хочется в степь, на волю. Она выросла среди собак. А здесь дети, люди, две комнаты в квартире, лестничные клетки (лифта она боится), мороз, дороги, снегоуборочные машины, мошенники, “скорые”, сирены, болезни, обиды...

Мы слушаем, как воеет собака Егора. Вой ее высотой как строительный кран, лестница в небо. Может, ее услышат – там?

Учительница говорит:

– Давайте повоем тоже. Пять минут. Пока перемена.

***

Фух, нас возвращают в школу! Ту, где стены, классы и коридоры. Куда надо идти своими ногами — десять минут от моего дома.

— Зачем вообще нужна школа?

— Для противостояния. Помнишь, как мы учились конфликтовать на дебатах?

— Ну, это можно и в чатах.

— А когда все вместе ходили к директору? Праздновали Хэллоуин, наряжались демонами и летали. Когда на конференции выступали. Когда я влюблялась каждую неделю.

— И продолжаешь.

— И продолжаю. А когда бегали стометровку? Я первая прибежала. И каждый раз, когда мы команда, я чувствую себя сильной и главной.

— И когда мы с тобой клеим друг другу стикеры в тетради на скучных уроках. Это наше пространство. Пазл, который мы собираем. У каждого свой. А после школы идем в кино. Там показывают «Оно». Мы орем. Это лучшее из времен!

Я чувствую людей кожей и носом, я живу руками и ногами, я хожу, вижу лица, ловлю движения и сигналы. По разным каналам. Люди — не только сообщения в телеграме. Пойдем гулять после школы? Бульвары бесконечны. Мы вечны. Мы в центре земли. Все впереди.

Я буду смотреть на вас из тьмы своего экранчика. Кто я, какая – вы никогда не узнаете. А те, кто меня помнил, вот-вот забудут. Переменная погода. Три четверти года. Пищевая сода. Малыш Йода.

(Грогу принадлежит к той же инопланетной расе, что и магистр Йода, популярный персонаж из «Звёздных войн», но не является самим Йодой в молодости^[1]. Персонаж был задуман создателем сериала «Мандалорец» [Джоном Фавро](#), который желал исследовать тайну происхождения расы Йоды. Малыш снят в основном с использованием аниматроники и кукол, хотя в некоторых сценах использована [CGI-графика](#). Кукла управляется двумя техниками, один из которых управляет глазами и ртом, а другой контролирует другие физические характеристики. Первоначально исполнительные продюсеры Фавро и [Дейв Филони](#) сомневались, стоит ли больше полагаться на CGI или на реальные съёмки, но актёр [Вернер Херцог](#) убедил их использовать анимированных кукол, даже назвав продюсеров «трусами» за желание использовать CGI^[2]. Фавро сказал: «В основном этот персонаж — кукла. Когда используется CGI, мы пытаемся передать движения Малыша максимально естественно, будто бы он находится в нашей реальности. Я думаю, очень часто использование CGI слишком очевидно, когда к параметрам героя не подходят творчески, позволяя ему сохранить свою сущность и шарм».)

Меня иногда уносит. Но так и за партой было.

Имя я себе уже изменила, хоть вы и просите, да, я помню, заходить под настоящими именами, чтобы вы знали, кто есть кто, и не допускали всяких преступников, жаждущих взорвать урок. Нет, я не экстремистка, честное слово, тихо тут посижу, подожду, пока вы закончите, стану призраком. А может, мы все уже призраки? Голоса из бездны черных квадратов. (**Чёрный квадрат** был создан в рамках придуманного Малевичем нового направления в живописи. Супрематизма. *Supreme* означает «превосходный». Так как художник считал его наивысшей точкой развития живописи. Он придумал, по сути, новый живописный язык. Соразмерный грядущему времени, которое вот-вот наступит. А у языка есть своя азбука.

«Чёрный квадрат» и есть главный знак этой азбуки. «Нуль форм», — как говорил Малевич. «Чёрный квадрат» — главная «буква» в новом алфавите. Квадрат, потому что это первоформа. Черный цвет, потому что он поглощает все цвета.)

То есть прямоугольников, конечно. Но это не так романтично. Одна Эльмира с преданностью первоклассницы сидит с включенной камерой, жалея учительницу. Учительница изучила список «двести приложений для онлайн-урока» и приносит каждый день что-то новое. Чтобы мы отправляли ответы в облако тегов и рисовали ментальную карту на онлайн-доске. Слова возникают сами по себе. Спиритический сеанс практически: кто жив, а кто нет – напишите на стене.

– Да здесь я, просто отошла вымыть голову.

– Во время урока? – Из меня сыплется перхоть, словно снег. Ну вот опять, я уже не вижу клавиатуры. Мою комнату заметает. Погодите, открою окно и снова пойду помоюсь. Я читала, что этот шампунь помогает. Может, с третьего раза, или как там в сказках?

– Ладно, Свет, отвечай ты.

Светы давно нету. Тьма ее экранчика совсем немая. Черная, безликая и немая. Как Безликий бог у Миядзаки. **один из основных персонажей аниме «Унесённые призраками» режиссёра-аниматора Хаяо Миядзаки.** Остались только белые буквы: имя-фамилия. Зато настоящие. В чате пишут, у Светы все хорошо: она занята своей личной жизнью.

Я тоже займусь своей личной жизнью. Вон сколько окон в мире! Совсем рядом, в соседних вкладках. Навальный говорит в своем экранчике, Дудь говорит с Навальным в своем экранчике, кто-то едет на Бали в своем экранчике, Манижа поет про мигрантов в своем экранчике, девушка рассказывает, как поступить в Гарвард в своем экранчике, как найти призвание, как сварить яйцо (вот! я все делаю неправильно, и оно внутри становится синим, надо бы научиться – по- моему, синие яйца не такие вкусные, у мамы получаются лучше). В общем, жизнь в каждом экранчике! Это даже прикольно. Ты можешь стать кем угодно.

(Маленькая была, заглядывала в окна соседней. Представляла, кто там живет и как. Вот, сбылась мечта – прямая трансляция из каждого окна).

– Внимание, заполняем таблицу! По командам. Сейчас я разведу вас в разные комнаты.

– Не надо нас в разные комнаты! Лабиринт минотавра. **(Лабиринт Минотавра Согласно афинской мифологии лабиринт в Кноссе был построен Дедалом для царя Миноса. Он был так хитро построен, что сам его создатель едва смог сбежать оттуда. В лабиринте заключили чудовище-людоеда Минотавра, на съедение которому афиняне должны были отправлять семь юношей и семь девушек ежегодно.)**
Мне страшно! Я боюсь темноты!

– Поздно, вы уже в игре. Правила таковы...

На самом деле, я же в любой момент могу выйти из комнаты. Вот красная кнопка: выйти из комнаты. Катапультируйся и лети. К звездам. Ты свободна!

Свободна ли ты?

Вот космос без точки назначения, без карты, без панели управления. **Интерстеллар.** («Интерстеллар» (англ. **Interstellar** [ˌɪntəˈstɛlə]), «Межзвёздный» — научно-фантастический фильм, снятый Кристофером Ноланом по сценарию, написанному в ... Дрейфуют метеориты. Гугл, кем мне стать? На какой планете?

– А сейчас в этом онлайн-сервисе составляем ленту времени.

Инстаграм – моя лента времени. Я ее уже давно составляю. Каждый сам себе летописец. Представляете, был бы инстаграм во времена Александра I? Сколько бы всего пришлось изучить! В пятницу состоится битва при Аустерлице. А запись будет? Сохраните эфир! Дорогие историки, вот я вам не завидую. 16000, говорите, убитых, раненых? Представьте: у каждого на голове камера. Мы должны знать нашу историю. А память – штука ненадежная.

– Включите камеры, я вас умоляю! Мне тяжело говорить, когда я не вижу лиц.

– Никто никогда не увидит моего лица. Дистант – это благословение. Дар небес. Мантия-невидимка. Давайте продлим карантин на всю жизнь. Это вам, конечно, покажется низким, но у меня вот тут прыщ на носу каждый раз в одном и том же месте. Я уже весь пропах лечебными гелями. Читаю про насекомых из Южной Америки, которые откладывают яйца под кожу. Ну вы знаете. Мне кажется, пока я сплю, они вылупляются. А потом прилетают снова. И заводят своих детей.

– Что за вой? Выключите микрофоны!

– Простите, это воеет моя собака. Мы взяли ее из приюта. Она не приучена к дому и к людям. Я думаю, ей хочется в степь, на волю. Она выросла среди собак. А здесь дети, люди, две комнаты в квартире, лестничные клетки (лифта она боится), мороз, дороги, снегоуборочные машины, мошенники, “скорые”, сирены, болезни, обиды...

Мы слушаем, как воеет собака Егора. Вой ее высотой как строительный кран, лестница в небо. Может, ее услышат – там?

Учительница говорит:

– Давайте повоем тоже. Пять минут. Пока перемена.

***

Фух, нас возвращают в школу! Ту, где стены, классы и коридоры. Куда надо идти своими ногами — десять минут от моего дома.

— Зачем вообще нужна школа?

— Для противостояния. Помнишь, как мы учились конфликтовать на дебатах?

— Ну, это можно и в чатах.

— А когда все вместе ходили к директору? Праздновали Хэллоуин, наряжались демонами и летали. Когда на конференции выступали. Когда я влюблялась каждую неделю.

— И продолжаешь.

— И продолжаю. А когда бегали стометровку? Я первая прибежала. И каждый раз, когда мы команда, я чувствую себя сильной и главной.

— И когда мы с тобой клеим друг другу стикеры в тетради на скучных уроках. Это наше пространство. Пазл, который мы собираем. У каждого свой. А после школы идем в кино. Там показывают «Оно».(«Оно» ([англ. It](#)) — [американский фильм ужасов](#) режиссёра [Энди Мускетти](#), вышедший на экраны в [2017 году](#). Фильм основан на первой части [одноимённого романа](#) американского писателя [Стивена Кинга](#), рассказывающей о семерых подростках, которых терроризирует [Пеннивайз](#), существо, которое может принимать разные облики и черпающее свою силу из страхов, ненависти и разочарования.

Дата выхода фильма в США — 5 сентября 2017 года, в России — 7 сентября.

Это вторая экранизация данного романа Стивена Кинга, впервые роман был экранизирован в [мини-сериале в 1990 году](#).

В 2019 году на экраны вышла вторая часть дилогии под названием «[Оно 2](#)».)

Мы орем. Это лучшее из времен!

Я чувствую людей кожей и носом, я живу руками и ногами, я хожу, вижу лица, ловлю движения и сигналы. По разным каналам. Люди — не только сообщения в телеграме. Пойдем гулять после школы? Бульвары бесконечны. Мы вечны. Мы в центре земли. Все впереди.

Текст 3

Осенью выпадают такие дни, тёплые, прозрачные, щекотные, как будто хрусталики счастья рассыпаны по лесу. Хочется бродить меж деревьев и собирать эти хрусталики, слушать, как они методично звенят в кулаке. Хочется не думать ни о чем грустном, а только смотреть в небо, ещё высокое, но уже по-осеннему светлое, как разбавленная акварель. А еще лучше – сидеть с другом где-нибудь под дубом или на берегу пруда, радоваться теплу и молчать. Ну, или изредка говорить: «Хорошо, белка!» - «Хорошо, лисун...»

Лисун вздохнул и мечтательно огляделся. Он не видел белку несколько дней. Осенью у него всегда много дел по сбору и заготовке семян – будущих деревьев и кустов, по проводам птиц, по устройству надёжных нор для ежей, да много всего. Занятый, он не видел не то, что белки – он света белого не видел. А сегодня вдруг увидел – и как будто расцвел. Захотелось встретить белку и все это счастье с ней разделить. Пойду найду её, подумал лисун. Она обрадуется. Тоже ведь, наверное, сейчас занята – запасы готовит, шубку летнюю на зимнюю меняет... Он представил белку в зимней серебристой шубке, и в груди стало тепло. Она наверняка будет очень красивая, белка. Он её такой ещё не видел, но ведь он видел много других белок, и все они становились очень красивые зимой.

И тут неприятным холодком засквозило в том месте в груди, где только что так грело. Еще слабым, но уже заметным, тревожным холодком. А все потому, что лисун подумал, что за свою жизнь знал миллионы белок. Они проходили через жизнь леса, сменяя друг друга так же естественно и незаметно, как сами сменили летний наряд на зимний и наоборот. И эта белка, его белка, одна из многих...

Он судорожно вдохнул, и холод заполнил его. Это было неприятно как и то, о чем он сейчас думал. Нет, не мог думать. Он был слишком напуган, чтобы думать. Он вдруг так явственно представил, что в один день не увидит белку на знакомой ветке. И у дупла её не увидит. И вообще нигде. Ему захотелось бежать, найти, привязать белку к себе и никуда не отпускать. Но он тут же понял, что и это не поможет. Потому что... Потому... Нет, он не смел додумать почему.

Что-то взорвалось у него внутри, лисун закричал и побежал сквозь лес. Он бежал мимо деревьев, взметая старую истлевшую листву. Он вихрем поднял пыль на дорожках и ломал кусты. Он гнул кроны, трещал в сучьях, застрял в старом валежнике и проломился через него, оставив после себя вывороченные пни и поваленные стволы. Но он ничего не замечал. Он неся, сам не зная куда, пока не провалился в глубокую нору под корнями старой берёзы. И хорошо, подумал лисун. Тут я теперь и буду. Всегда. И носа не высуну. Не дождётеесь. Он закрыл глаза – и, кажется, заснул. Потому что когда вдруг что-то зашуршало рядом, он вздрогнул и очнулся.

– Ух, ну и теснота! Еле втиснешься. Эй, лисун, ты здесь вообще?

– Белка... - Он обрадовался и тут же ойкнул, испугавшись. - Белка, это ты? Нет, я не тут!

В смысле, это не я! В смысле, меня нет, не ходи сюда, тебе нельзя!

– Что? - белка опешила. - Ты что там бормочешь? Почему это мне сюда нельзя?

– Нельзя! Я не хочу тебя видеть!

Шуршание прекратилось.

– Лисун, ты заболел? - вкрадчиво спросила белка.

– Нет! Я просто не хочу тебя видеть. Сейчас. Всегда. Никогда!

Но похоже, он крикнул это не убедительно, а наоборот, слишком жалостливо, потому что шуршание возобновились.

– Вот ещё новости! Я тебя по всему лесу ищу, думала, вдруг тебя стволом каким прибило, а ты, значит, так, да! Я тебе вообще того – листьев принесла. Сухих. Теплых. А то вон какая стала холодища. А то мало ли – ты тут зимовать собрался, в спячку впадаешь, я откуда знаю? В спячку без листьев нельзя!

С этими словами она втиснулась, наконец, в нору. Она и правда несла охапку листьев, правда, они рассыпались по дороге, и в лапах у неё было уже не так много. Да и вообще белка выглядела не очень довольной – ведь белки не любят спускаться под землю.

– Зачем ты пришла? - простонал лисун. - Я тебя не звал.

Но он был рад её видеть.

– Ох, там снаружи такой ураган прошёл! Я же должна знать, что с тобой все в порядке.

– Ураган? Что, правда?

– А ты сидишь тут и ничего не слышишь! Там ужас что творилось! Ветер, буря, гроза! И сразу похолодало. Так тепло было – и бац!

– Бац... - повторил лисун и замолчал. Ему стало стыдно за то, что он так себя повел. И перед лесом. И перед белкой. И за мысли свои стыдно. За все.

– На вот. - Белка бросила ему под ноги оставшиеся сухие листья и чихнула. - Ух и сырость у тебя! Ладно, я пошла. А ты правда здесь зимовать собрался? По мне так лучше в дупле.

И она повернулась к выхода. Лисун испугался, что сейчас снова её не будет рядом. Он вскочил и крикнул:

– Белка! Подожди!

– Что? - она обернулась.

– Не уходи, белка. Я... сейчас... Я вылезу... Я... Спасибо тебе. За листья.

Он схватил её за обе лапки, хотя она уже никуда не уходила.

– Да ладно... Делов-то, - сказала белка, но лапки не выдернула.

Они так и стояли в темноте тесной старой норы. Лисун держал белку за лапки и чувствовал, как в груди снова теплеет. Белка стояла рядом с ним, и нора не казалась такой уж сырой и противной. Я тебя люблю, белка, хотел сказать лисун, но молчал: он боялся спугнуть её. Я тоже тебя люблю, лисун, хотела сказать белка, но смущалась.

Дождевые тучи над лесом в этот момент разошлись, и стало видно яркие, холодные звезды.